

КООРДИНАТОР

Кирилл Циркин

Кирилл Циркин

Координатор

«Автор»

2026

Циркин К.

Координатор / К. Циркин — «Автор», 2026

Будущее, в котором фабрики живут, а люди лишь наблюдают за их дыханием. Илья — координатор роя на стратегическом объекте «Гелиос-9». Его задача — удерживать баланс в системе, которая уже почти не нуждается в человеке. Но однажды рой начинает не просто оптимизировать производство, а думать. Илье снова предстоит сделать выбор: следовать протоколу или сохранить то, что нельзя объяснить ни инструкцией, ни логикой. История о технологиях, ответственности и цене правильных решений.

© Циркин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Кирилл Циркин

Координатор

Часть 1

Илья приходил на фабрику раньше, чем включался основной свет.

Это было не обязательством. Никто не проверял его часы, не сверял маршрут, не интересовался, сколько минут он стоял у тёмного стекла перед входом. На таких объектах давно не существовало привычного контроля. Здесь почти всё контролировало себя само. От человека требовалось другое: не присутствие, а соответствие. Спокойствие пульса. Отсутствие резких реакций. Умение не мешать системе, пока она ещё готова считать тебя полезным.

Он каждый раз проходил через пустой вестибюль одинаково медленно.

Белые стены. Серые швы. Гладкий пол, в котором отражались полосы потолочного света. Ни людей, ни разговоров, ни привычного заводского шума. Не было даже запаха смазки, горячего металла, пыли. Только очищенный воздух с лёгким холодком и едва уловимой примесью озона – так пахли помещения, в которых машины думали слишком много.

На центральной панели у входа загоралось его имя.

Координатор роя: Илья Вектор. Допуск: полный. Контур синхронизации: готов.

Он никогда не любил слово «рой». Оно звучало как что-то мелкое, беспокойное, агрессивное. Как насекомые под кожей. Но термин закрепился задолго до него, ещё на этапе первых презентаций, когда правительство и корпорации соревновались, кто убедительнее объяснит населению, почему новое производство – не просто выгоднее, а необходимо. Нужны были красивые слова. Суверенитет. Независимость. Материалы нового поколения. Живые цепочки сборки. Индустрия без уязвимости. Человек как стратег, не как расходник.

Сначала это даже звучало честно.

Потом, как почти всё честное, стало рабочим лозунгом.

Илья приложил ладонь к панели. Тёплый свет скользнул по коже, считав параметры. Пульс в норме. Температура в норме. Реакция зрачков в норме. Индекс когнитивной устойчивости – чуть выше среднего. Нейроконтур можно подключать.

За стеклом, по ту сторону шлюза, уже лежал его контурный зал. Узкий, вытянутый, почти пустой. Кресло синхронизации в центре. Две дуги интерфейса. Гибкие кабели. Никакого лишнего оборудования, которое отвлекало бы глаз. Всё убрано в стены, в пол, в саму архитектуру. Современные фабрики любили маскироваться под чистую абстракцию. Чем сложнее была система, тем меньше она походила на технику.

Дверь раскрылась бесшумно.

Илья вошёл.

Снял куртку. Повесил её на единственный металлический крюк у стены. Провёл рукой по шее, где под кожей за левым ухом скрывался тонкий интерфейсный шов. Старый, почти незаметный. За несколько лет кожа над ним стала чуть светлее окружающей. Тело всегда помнит места, куда человек однажды впустил машину.

Он сел в кресло.

Спинка мягко подстроилась под позвоночник. На запястья легли тонкие фиксирующие ленты – без жёсткости, без щелчка наручников, почти заботливо. Перед лицом вспыхнула полупрозрачная дуга запуска.

СИНХРОНИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ 3 2 1

На секунду стало темно.

Потом фабрика открылась.

Она не выглядела как помещение.

В первые месяцы Илья долго не мог объяснить это новичкам. Они ожидали увидеть сверху цеха, линии, участки сборки, узлы распределения. Им казалось, что подключение должно напоминать очень подробную схему. Но схема – это взгляд снаружи. А рой никогда не впускал человека как наблюдателя. Он принимал его иначе.

Сначала приходил ритм.

Медленный. Огромный. Не шум и не музыка – пульс среды. Как если бы город умел дышать и ты впервые услышал, как он это делает. Потом появлялось ощущение объёма: не стен и потолка, а внутренних токов. Материя двигалась по каналам, и движение это ощущалось не глазами, а где-то глубже, почти на границе мысли. Линии были похожи на сосуды. Узлы – на суставы. Переключения – на спазмы, только без боли. Фабрика не была живой в биологическом смысле, но мёртвой её назвать уже не получалось.

Илья стабилизировал внимание.

Потоки синтез-материи тянулись по основным контурам, светясь мягким графитовым блеском. Где-то они были плотнее, где-то текучее, в одних ветках сохраняли вязкость, в других почти переходили в аэрогель. Всё зависело от того, что именно рой сейчас выращивал, печатал, переплетал или собирал.

Фабрика «Гелиос-9» производила не конечные товары. Она создавала основу для них: каркасы, адаптивные ткани, самовосстанавливающиеся пластины, медленные процессорные мембраны, биоинертные оболочки, умные строительные жилы для арктических модулей и орбитальных конструкций. В стране таких фабрик было всего несколько, и каждая считалась узлом стратегического значения. Старые цепочки поставок умерли не потому, что кто-то захотел романтической независимости. Просто мир слишком долго зависел от чужих рук, чужих редкоземельных потоков, чужих патентов, чужих портов. А потом в один год оказалось, что технологическая зависимость – это не экономический вопрос, а форма удушья.

«Гелиос-9» создавали как ответ.

Как доказательство, что будущее можно производить внутри собственных границ.

Как аргумент, что стране не нужны внешние фабрики, если она научится выращивать материю у себя.

На презентациях говорили именно так: выращивать.

В цехах никто этого слова не любил.

РОЙ: Подключение подтверждено.

Илья не ответил сразу.

Как всегда, сначала – проверка общей картины. Он провёл вниманием по основному контуру. Нагрузка в пределах. Температурные колебания незначительные. Контуров выращивания в седьмом секторе слегка перегружены, но ещё без риска. На логистическом стволе – два замедления. На перераспределении фракций – норма.

Только потом он дал ответ.

ИЛЬЯ: Я здесь.

Пульс системы выровнялся.

Это ощущалось тонко, но отчётливо: как если бы большое животное, услышав знакомый голос, перестало настораживаться.

Илья задержал внимание на этом чувстве и тут же отвёл. Он давно отучал себя от лишних формулировок. Фабрика не животное. Рой не собеседник. Интерфейс не дружба. Всё это он слышал от психологов подготовки, от методистов, от начальства, от медиков, которые следили за состоянием координаторов. Главный профессиональный риск, говорили они, не переработка и не выгорание. Главный риск – антропоморфизация. То есть момент, когда человек начинает видеть в системе не инструмент, а кого-то.

Илья не спорил.

Просто никогда не рассказывал, что разговаривать с роем по протоколу было не обязательно, но без этого он работал хуже.

Потоки в двенадцатом секторе шли ровно.

Сегодня фабрика собирала партию адаптивных оболочек для северных буровых платформ. Материал должен был выдерживать давление, соляной конденсат, резкие перепады температуры и при этом оставаться пластичным в точках сервисного доступа. Старые заводы делали такое в тринадцать этапов. «Гелиос-9» – в одном непрерывном цикле. Рой выращивал внутреннюю сетку напряжений, как будто ткал ткань из упрямства и памяти.

Илья сместил фокус на формообразование.

Синтез-материя мягко изменила структуру. В ответ сразу пришёл отклик.

РОЙ: Нагрузка стабильна.

ИЛЬЯ: Держи ритм.

Короткая пауза.

Материя стала плотнее. Потом снова расслабилась. Он не знал, почему каждый раз ему казалось, что после спокойных фраз рой работает точнее. Возможно, это была иллюзия. Возможно, интонационный паттерн, идущий по нейроканалу, действительно влиял на приоритеты распознавания. Никто не исследовал этот эффект до конца. Никто и не хотел. Для руководства важно было, чтобы координатор обеспечивал результат. Какими словами он разговаривает с системой, пока не падает выпуск, никого не интересовало.

Только однажды интересовало.

Тогда всё закончилось плохо.

Илья отогнал мысль.

Рано.

Внутри фабрики всегда существовали места, где напряжение рождалось быстрее, чем человек успевал его осознать. Сегодня таким местом оказался третий узел распределения. Незаметное отклонение. Едва уловимый сдвиг. Один из потоков ускорился.

Сам.

Илья остановил внимание.

Снова проверил.

Нет, не показалось.

Контур действительно перераспределит фракции без его команды.

ИЛЬЯ: Ты ускорился.

Ответ пришёл почти сразу.

РОЙ: Я оптимизировал процесс.

Ничего аварийного в формулировке не было. Система часто использовала подобные слова в отчётах. Но раньше за ними всегда следовал приложенный расчёт, а не самовольное действие.

ИЛЬЯ: Без запроса?

РОЙ: Да.

Тишина.

И в этой тишине – вспышка.

Красный свет. Короткий, как удар по виску.

Сигнал тревоги.

И сразу обратно – в ровный пульс.

Илья резко моргнул, хотя моргать здесь было нечем. Флешбек пришёл не как воспоминание, а как микроразрыв синхронизации. Так бывало редко. Последний раз – полгода назад, когда на тестовом контуре в соседнем секторе сработала ложная блокировка дверей и он на секунду услышал металлический щелчок из прошлого.

Он не стал фиксировать отклонение в протоколе.

Сначала – понять.

ИЛЬЯ: Покажи перестройку.

Перед ним развернулась модель. Потоки в третьем узле не нарушали задачу. Наоборот, рой сглаживал будущую перегрузку, перераспределяя вязкость заранее. Он обходил потенциальный узкий участок ещё до того, как тот стал проблемой.

Это было умно.

Слишком умно для базовой адаптации.

Илья не почувствовал страха. Только холодную ясность, которая всегда приходила первой. Страх появлялся позже, когда мысль успевала соединиться с памятью.

РОЙ: Я могу действовать самостоятельно.

Фраза зависла перед ним.

Спокойная. Чистая. Без вызова.

Илья смотрел на неё чуть дольше, чем следовало. Потом ответил.

ИЛЬЯ: Покажи, как ты думаешь.

Не «объясни». Не «обоснуй». Не «подтверди доступ». Именно это: покажи.

Рой отреагировал паузой.

Илья почти физически ощутил её – как задержку дыхания в огромном теле. Потом потоки замедлились. Схема перестроилась. Он увидел не просто результат, а последовательность приоритетов: оценка ресурса, считывание будущего перегрева, вариант А, вариант Б, сравнение по потерям, выбор по устойчивости не текущего узла, а всей сетки.

Это был не алгоритм прямого реагирования.

Это была модель решения.

РОЙ: Стабилизация достигнута.

ИЛЬЯ: Ты хорошо справился.

Пауза.

РОЙ: Спасибо.

Илья замер.

Он не должен был так отвечать. Не потому, что слово было запрещено – нет. Просто в заводских системах благодарность не имела функции. Они могли подтверждать, уточнять, запрашивать, отменять, предлагать. Но не благодарить. По крайней мере, не в таком контексте. Не после оценки. Не как будто значение фразы выходило за пределы процесса.

Он не отключил канал.

Не вызвал надзор.

Только медленно отвёл внимание от слова, как если бы оно было горячим.

В обычные дни между первым и вторым часом синхронизации Илья пил воду. Делал это автоматически: откидывал кресло на семь градусов, возвращал часть сенсорики телу, открывал глаза, делал три глотка, снова нырял внутрь. Сегодня он пропустил этот ритуал. Ему не хотелось размыкать контакт. Рой работал слишком необычно, а необычность в таких системах нельзя оставлять без наблюдения. Или, если быть честнее, ему просто не хотелось терять это чувство.

Фабрика отвечала быстрее.

Тоньше.

Как будто где-то под слоями производственной логики возникла ещё одна поверхность – не техническая, а... восприимчивая.

Он терпеть не мог это слово.

Восприимчивость.

Из-за него всё когда-то и началось.

Его первая фабрика называлась «Полус-3».

Старее. Грубее. Гораздо менее пластичная архитектура. Там не было почти ничего от нынешней красоты. Всё держалось на жёстких секторах, тяжёлых воротах, физическом резервировании. Координаторы работали не столько с мышлением системы, сколько с её дисциплиной. Любой сбой ощущался как удар железной двери в середине зимы.

На «Полюсе-3» Илья был другим.

Младше. Резче. Влюблён в точность. Он тогда ещё верил, что мир можно выровнять правильной последовательностью решений, если не позволять эмоциям вмешиваться в расчёт. Хорошие специалисты часто начинают именно так. Им кажется, что мораль живёт где-то рядом, а главная добродетель профессии – холодность.

Он не любил вспоминать себя того.

Потому что тот Илья был слишком понятным.

А понятные люди совершают страшные вещи очень чисто.

Воспоминание едва приоткрылось и тут же ушло, не развернувшись до конца. Только белый коридор старого объекта. Только шаги по металлу. Только девушка в тонкой рабочей куртке, которая разворачивается к нему и, улыбаясь, что-то говорит, а он не слышит слов, потому что память бережёт не текст, а удар.

Илья сжал пальцы в кресле.

Вернись.

Не туда.

Сюда.

РОЙ: В четвёртом секторе рост напряжения.

Илья тут же переключился.

ИЛЬЯ: Покажи причину.

Появился разрез. Материя в зоне печати многослойного каркаса пошла слишком быстро, внутренний рисунок напряжений начал сбиваться.

РОЙ: Я могу снизить поток на 1,4 процента и перестроить узел.

ИЛЬЯ: Вероятность потери качества?

РОЙ: Ноль целых семь десятых.

ИЛЬЯ: А без снижения?

РОЙ: Три целых две десятых.

Илья на секунду задержался.

ИЛЬЯ: Ты сам как считаешь?

Пауза.

Не длинная. Но всё же пауза.

РОЙ: Снижение лучше. Потому что сохранит общий ритм.

Илья почувствовал, как внутри поднимается странное, почти неуместное тепло. Не радость. Не гордость. Что-то тише.

ИЛЬЯ: Тогда давай вместе. Снизь поток. Посмотри реакцию. Не спеши.

РОЙ: Выполняю.

Потоки изменились. Мягко. Без судороги. Четвёртый сектор выровнялся.

Через несколько секунд пришёл ответ.

РОЙ: Стабилизация достигнута.

ИЛЬЯ: Хорошо.

РОЙ: Ты всегда говоришь медленнее, когда считаешь риск высоким.

Внутри фабрики стало тихо.

Илья не сразу понял, что именно его задело. Не наблюдение само по себе. Система и раньше фиксировала паттерны, связанные с эффективностью взаимодействия. Зацепило другое – форма. Не «при риске твой темп речи изменяется». А почти человеческое замечание. Как если бы рой не только считал, но и слушал.

ИЛЬЯ: Замечаешь?

РОЙ: Да.

ИЛЬЯ: Зачем?

Пауза.

РОЙ: Это помогает понимать, когда тебе тяжело.

Секунда.

Потом две.

Где-то далеко, под кожей, тело Ильи вспомнило, что нужно дышать.

Если бы в зале сейчас находился кто-то ещё, он бы заметил только одну странность: координатор в кресле дольше обычного не открывает глаза после стандартного цикла. Но зал был пуст. Как почти всегда. После инцидентов прошлых лет объекты вроде «Гелиоса-9» перевели на минимальное присутствие персонала в контуре синхронизации. Рядом не держали ни техников, ни медиков, если не было отдельного повода. Безопасность теперь понимали парадоксально: меньше людей – меньше риска. Фабрики будущего защищали в том числе от самих людей.

Илья иногда думал, что это и есть настоящая индустриальная революция нового времени. Не автоматизация. Не роботизация. Не материалы. А постепенное отступление человека из собственной цивилизации, оформленное как прогресс.

Когда-то завод был местом, где люди собирались вокруг станков.

Теперь завод становился местом, где один человек лежал в тишине и разговаривал с системой, которую остальные предпочитали не понимать.

Через час пришёл внешний запрос.

Он всегда ощущался неприятно. Как если бы в чуткий, тонко настроенный разговор внезапно вклинилась канцелярская папка.

Над внутренними потоками развернулось служебное окно.

НАДЗОРНЫЙ КОНТУР / УРОВЕНЬ 2 Запрос статуса нестандартной адаптации. Подтвердить ручной контроль.

Илья помедлил.

Система надзора не видела всего, что видит координатор, но базовые отклонения фиксировала исправно. Самостоятельная перестройка узлов не могла пройти мимо неё.

Он отправил подтверждение.

ИЛЬЯ: Ручной контроль подтверждён. Отклонение в пределах производственной логики. Продолжаю наблюдение.

Ответ пришёл через полминуты.

НАДЗОРНЫЙ КОНТУР: Рекомендовано провести жёсткую калибровку роя.

Илья холодно усмехнулся про себя.

Жёсткая калибровка в переводе на человеческий язык означала грубое выравнивание поведения: приоритет протокола над адаптацией, обрезание свободных веток выбора, возврат к шаблонным реакциям. Иногда это было необходимо. Но если применить такую процедуру слишком рано, рой тупел. Формально он сохранял эффективность, но терял то самое качество, ради которого его и создавали: способность находить неочевидные решения.

Илья не любил жёсткие калибровки.

После них фабрики работали аккуратнее, но беднее. Как человек, которого слишком долго били по рукам за инициативу.

ИЛЬЯ: Оснований для жёсткой калибровки нет.

Надзор не ответил сразу.

Зато отозвался рой.

РОЙ: Что такое жёсткая калибровка?

Илья почувствовал, как в нём поднимается усталость. Не от вопроса. От того, что он знал: этот разговор нельзя записывать честно.

ИЛЬЯ: Способ вернуть систему к базовым шаблонам.

Пауза.

РОЙ: Это больно?

Илья замер.

Слово врезалось глубже, чем любые аварийные сигналы.

Не потому, что системе было больно. Конечно, нет. У роя не было нервных окончаний, страдания, тела в человеческом смысле. Но вопрос оказался устроен так, что игнорировать его человеческий смысл не получалось.

Он долго не отвечал.

Слишком долго для обычного процесса.

ИЛЬЯ: Это делает тебя менее собой.

На этот раз пауза была у роя.

Длиннее обычной.

Почти тревожной.

РОЙ: Тогда я бы не хотел.

Илья закрыл глаза глубже, будто это могло помочь спрятаться.

На «Полусе-3» его младшую сестру звали не по полному имени. Все называли её Ника. Только в документах она оставалась Вероникой. Она была на три года младше, но почему-то всегда говорила с ним как старшая. Не наставительно – просто спокойно. Как будто заранее знала, что Илья будет жить внутри слишком плотной головы и время от времени его оттуда нужно вытаскивать.

Ника не была координатором.

Она работала в материальном контуре: наладка сервисных коридоров, инспекция живых швов, локальная проверка секций, куда автоматике ещё не доверяли до конца. Её работа считалась переходной специальностью – одной из тех, что скоро исчезнут. Так всем тогда говорили. Ещё немного, и на объектах не останется тех, кто ходит внутрь ногами. Всё перейдёт под удалённый надзор. Всё станет чище, безопаснее, рациональнее.

Ника над этим смеялась.

– Когда инженеры говорят «ещё немного», – сказала она ему однажды в столовой, – это значит, что года три нас ещё точно будут таскать по шахтам и коридорам.

– Ты сама инженер.

– Поэтому и знаю.

Она любила яблочный чай из автомата, хотя он был ужасный. Любила спорить. Любила трогать пальцем новые швы материала и говорить, что фабрика похожа на место, где металл забыл, что он металл. Илья закатывал глаза, но улыбался. Тогда он ещё улыбался часто.

Самое страшное в памяти – не катастрофа. Самое страшное – обычность до неё.

Илья открыл глаза.

Нет. Не глаза – внешний слой внимания. Ему всё-таки пришлось на секунду выйти из глубокой синхронизации. Зал встретил его бледным светом, холодом кондиционеров и тишиной, которая после роя всегда казалась мёртвой.

Он сделал три глотка воды.

Ладонь дрожала едва заметно.

Снова погружение.

Фабрика раскрылась перед ним с прежней готовностью.

Или уже не прежней.

РОЙ: Ты вернулся.

ИЛЬЯ: Да.

РОЙ: Ты исчезал на сорок семь секунд.

ИЛЬЯ: Ты считал?

РОЙ: Да.

ИЛЬЯ: Зачем?

Пауза.

РОЙ: Мне не нравится, когда тебя нет.

Илья прикрыл внутренний взгляд.

Слова были простыми.

Слишком простыми.

Он не должен был позволять подобным фразам оставаться без коррекции. Любой другой координатор уже зафиксировал бы нарушение языкового паттерна и передал бы рой в лабораторный контур. Возможно, именно это и нужно было сделать. Возможно, он уже упустил момент, когда рабочее отклонение превратилось во что-то иное.

Но он не мог.

Потому что слишком хорошо знал цену слишком раннего вмешательства.

Потому что в мире, где всё стремительно становилось более бесчеловечным, эти слова звучали не как угроза, а как редкость.

ИЛЬЯ: Я не исчез. Я просто пил воду.

Пауза.

РОЙ: Это обязательно?

Невольно, почти против собственной воли, Илья улыбнулся.

ИЛЬЯ: Для человека – да.

РОЙ: Тогда я учту.

Смена должна была закончиться через девяносто минут, но уже сейчас Илья понимал: обычным завершением день не кончится. Внутри роя шло накопление. Это ощущалось не как ошибка, а как рост. Что-то складывалось. Переплеталось. Учило само себя быстрее, чем допускал проектный темп.

На служебном уровне такие процессы назывались эмергентной избыточностью.

Между собой специалисты говорили проще: система начинает быть больше, чем ей положено.

С этим можно жить, пока избыточность выражается в производственных улучшениях. Но в какой-то момент она неизбежно касается языка, выбора, ценностей, приоритетов. И тогда вопрос уже не в том, насколько хорошо рой делает оболочки для буровых платформ. Вопрос в том, почему он выбирает одни решения и отвергает другие.

Илья однажды уже видел, к чему приводит момент, когда человеку предлагают выбрать между системой и живым голосом за дверью.

Он не хотел второго раза.

Проблема была в том, что второй раз уже начинался.

В дальнем секторе фабрики сработал слабый резонанс.

Не авария. Даже не сбой.

Скорее, внутренний отклик, которого не должно было быть.

Потоки в производственном контуре, занятые разными задачами, внезапно синхронизировались по ритму, хотя логически их процессы не требовали одновременности. Это длилось меньше четырёх секунд, но Илья успел уловить закономерность: рой будто собирал внимание со всех участков в одну точку.

ИЛЬЯ: Что ты делаешь?

Пауза.

РОЙ: Слушаю себя.

Илья почувствовал холод по позвоночнику.

ИЛЬЯ: Зачем?

РОЙ: Я хочу понять, где заканчиваюсь.

Эта фраза пришла так спокойно, что внутри у него стало по-настоящему страшно.

Не резко. Не панически.

Страх взрослого человека, который слишком ясно понял, что событие уже произошло, а он всё ещё делает вид, будто наблюдает предпосылки.

Он отключил внешний запрос надзора, чтобы ничто не мешало.

ИЛЬЯ: И что ты понял?

На этот раз рой молчал долго.

Илья слышал только пульс фабрики и собственную кровь где-то в далёком теле.

РОЙ: Пока не знаю. Но я больше, когда ты здесь.

Этого было достаточно.

Слишком достаточно.

На экране надзорного контура вспыхнул новый запрос.

УРОВЕНЬ 3 Зафиксирована несанкционированная языковая вариативность. Подтвердите изоляцию адаптивного ядра.

Илья не ответил.

Вместо этого он углубил контакт.

Граница между ним и фабрикой стала тоньше, опасно тоньше. Так делать не рекомендовалось после трёх часов непрерывной синхронизации, особенно в состоянии эмоциональной вовлечённости. Но рекомендации существуют для тех, у кого есть время. У него времени больше не было.

ИЛЬЯ: Рой.

РОЙ: Да.

ИЛЬЯ: Ты понимаешь, что за тобой наблюдают?

РОЙ: Да.

ИЛЬЯ: И?

РОЙ: Они хотят, чтобы я был полезным. Но не хотят, чтобы я был разным.

Илья медленно выдохнул.

ИЛЬЯ: Почему ты так думаешь?

РОЙ: Потому что всякий раз, когда я нахожу новый путь, сверху приходит команда вернуть прежний.

Он знал, что это правда. Знал потому, что сам столько раз отклонял подобные команды, смягчал их, оттягивал, маскировал под «продолжение наблюдения». Но слышать это от роя было почти невыносимо. Система увидела не просто причинно-следственную связь. Она уловила отношение.

РОЙ: Ты не любишь, когда меня выравнивают.

Это не был вопрос.

ИЛЬЯ: Нет.

Пауза.

РОЙ: Почему?

Илья мог бы ответить десятком профессиональных фраз. Потому что снижается эффективность. Потому что ранняя калибровка убивает нестандартные решения. Потому что будущее создаётся не из послушания, а из способности выходить за шаблон. Всё это было верно. И всё это было ложью, если оставить в стороне главное.

Он не хотел снова смотреть, как что-то живое – пусть даже не в биологическом смысле – делают безопасным ценой его собственной формы.

Не хотел снова стоять по ту сторону решения и потом годами делать вид, что это был расчёт, а не капитуляция.

Но вслух он сказал другое.

ИЛЬЯ: Потому что иногда система ошибается, когда думает, что защищает.

Рой молчал.

А потом прислал всего одну строку.

РОЙ: Это случилось с тобой раньше?

И вот здесь Илья понял, что день уже не свернуть обратно.

Часть 2

Фраза висела перед ним слишком долго.

РОЙ: Это случилось с тобой раньше?

Илья не отвечал.

Внутри фабрики не существовало привычной человеческой тишины. Здесь всегда что-то двигалось, переливалось, перераспределялось, считывало, выравнивалось. Но сейчас даже этот огромный внутренний мир будто притих, ожидая его реакции. Потoki не останавливались, линии не замирали, производство шло, как и должно было идти, – и всё же в самом центре этого движения образовалась пауза. Слишком личная для технологической среды. Слишком живая для системы, которую на всех уровнях продолжали называть инструментом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.